

V МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФИННО-УГОРСКИЙ КОНГРЕСС В ТУРКУ

20—27 августа 1980 г. в Финляндии в г. Турку состоялся очередной V Международный конгресс финноугроведов¹.

Финно-угорские конгрессы созываются начиная с 1960 г. с пятилетним промежутком поочередно в трех странах, имеющих коренное финно-угорское население — Венгрии (I и IV конгрессы — 1960 и 1975 гг.), Финляндии (II и V конгрессы — 1965 и 1980 гг.) и Советском Союзе (III — 1970 и будущий, VI, 1985 гг.). Общее руководство конгрессами осуществляется постоянным Международным комитетом конгресса финноугроведов, в который в период подготовки V конгресса входило пять человек от Советского Союза (акад. П. Аристэ, К. Е. Майтинская, К. Марк, Б. А. Серебренников и Э. Сыгель).

V Международный конгресс финноугроведов проходил в г. Турку, старом университетском городе Финляндии. Работа по его подготовке и проведению велась в первую очередь силами Туркуского университета. Президентом Конгресса был ректор университета О. Икола, председателем Рабочей группы — А. Алхониemi и генеральным секретарем — М. Суойянен.

В работе Конгресса приняло участие свыше 800 человек, представляющих 22 страны (в их числе Финляндия, СССР, ВНР, ГДР, ПНР, ЧССР, СФРЮ, ФРГ, Англия, Голландия, Швеция, Норвегия, США и др.). Советская делегация (136 чел.), возглавляемая акад. Ю. В. Бромлеем, была по численности второй после делегации страны-организатора. В нее входили специалисты из различных учреждений Академии наук СССР и всех национальных республик с коренным финно-угорским населением, а также ряда сопредельных с ними республик: из Эстонской, Латвийской и Украинской союзных республик, Карельской, Коми, Марийской, Мордовской, Удмуртской, Татарской и Башкирской автономных республик. Советские ученые участвовали в работе Конгресса по всем разделам современного финноугроведения. Согласно установкам, принятым Международным комитетом Конгресса, число делегатов по филологическим наукам (лингвисты, фольклористы, литературоведы) составило примерно две трети, а представители исторических дисциплин (этнографы, археологи и антропологи) одну треть общего числа участников.

Открытие Конгресса состоялось 20 августа. После приветствий президента Конгресса О. Иколы и министра просвещения Финляндии К. Кивистэ с приветственными словами к участникам обратились также представители двух других стран-учредителей Конгресса — Венгрии и Советского Союза. В тот же день на пленарном заседании были заслушаны два лингвистических доклада (акад. Л. Пости — Финляндия и акад. П. Хайдю — ВНР) и один этнографический (акад. Ю. В. Бромлей «Иерархия историко-культурных общностей»)².

Доклад Ю. В. Бромлея вызвал большой интерес и широкие отклики, тем более, что его предварительная публикация на английском языке и синхронный перевод на финский язык позволили ознакомиться с ним всем участникам.

Секционные заседания проходили 21, 22 и 26 августа. 25 августа первая половина дня была отведена для тематических симпозиумов, которые организовывала каждая секция. По секции этнологии были предусмотрены 2 темы: «Рыболовство финно-угорских народов» и «Двор и семья», по секции фольклора и мифологии — «Полевая работа фольклориста и закономерности формирования традиции», по секции археологии и антропологии — «Континуитет населения на территории финно-угорских народов в свете археологии и культурных слов». Доклады симпозиумов были опубликованы заранее.

Во второй половине этого дня были прочитаны так называемые «выставочные» (демонстрационные) доклады. Эти доклады читались в общем зале заседаний с предварительным размещением иллюстративного материала на специальных стендах. На сек-

¹ Материалы Конгресса опубликованы в сб. «Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. Turku 20—27. VIII, pt. 1—IV». Turku. 1980 г. О предыдущем конгрессе финноугроведов см.: Сов. этнография, 1976, № 3.

² См. Ю. В. Бромлей. Основные виды историко-культурных общностей. — Сов. этнография, 1981, № 1, с. 10—23.

ции этнологии всего было заслушано 33 доклада, из них 16 советских, кроме того, из 4 выставочных докладов по этнографической тематике 2 было сделано советскими специалистами. Большое место в работе секции заняли доклады по этнической истории, этнокультурным взаимосвязям, формированию историко-культурных областей и этнографических границ. Эта проблематика была представлена почти исключительно советскими докладами. Из них в первую очередь следует отметить доклад Р. Г. Кузеева и Т. И. Гарипова (Уфа), в котором рассматривался вопрос об этапах формирования народов, образующих волжскую историко-культурную область. Обсуждение доклада приобрело теоретический характер. Предметом дискуссии стали роль субстратных и суперстратных компонентов в механизме формирования историко-культурных областей (Ю. В. Бромлей, В. И. Васильев — Москва), а также соотношение хозяйственно-культурных типов и историко-культурных областей, этнографических и этнических границ (А. Барта, П. Вереш — ВНР). Теоретический характер имел доклад Б. Андрашфальви (ВНР) «Вопрос о народных группах в этнографии». В нем автор рассматривал процесс возникновения «молекулярных» этнографических единиц в южной Венгрии. Он предложил называть их «народными группами» и выделять на основании ряда признаков, в первую очередь, по наличию постоянных прямых контактов между ее членами и преобладанию «эндогамии». Такие группы связаны родством, свойством и непосредственным знакомством. Им присуща определенная этнографическая и даже диалектная специфика. Не возникает сомнения, что проведение подобных детальных исследований узколокальных групп заслуживает особого внимания при изучении современного сельского общества.

Проблеме формирования этнографической специфики карел Карельской АССР и этнографических границ, отделяющих их от населения восточной Финляндии, был посвящен доклад Р. Ф. Никольской (Петрозаводск). Доклад привлек большое число слушателей из других секций.

Активно была воспринята сибирская тематика, предложенная в основном также советскими специалистами. Прошедший Конгресс подтвердил плодотворность решения оргкомитета, одобрявшего включение в программу целого ряда докладов, касающихся связей финно-угорских народов с малыми народами Севера и Сибири. Большой интерес был проявлен к докладу Е. А. Алексеенко (Ленинград), посвященному ранним кетско-угорским взаимосвязям по новым материалам (этнонимика, лексика, шаманство). Дискуссию в основном по проблеме методов использования архивных и других источников вызвал доклад В. И. Васильева (Москва) об этнокомпонентной структуре ненцев и энцев.

Широко дискутировалась проблема происхождения оленеводства как в связи со специально посвященным этой теме докладом С. И. Вайнштейна (Москва), так и с докладами В. И. Васильева (см. выше) и Л. В. Хомич (Ленинград) о факторах, влияющих на сохранение традиционной культуры, на примере самодийских и финно-угорских народов. Предложенная С. И. Вайнштейном теория моноцентрического возникновения оленеводства из саянского очага и путей его развития и распространения, важна для изучения истории самодийских и финно-угорских народов. Это, несомненно, одна из тем, которая и в дальнейшем будет фигурировать на международных этнографических диспутах. Специального упоминания заслуживает доклад И. Балаша (ВНР) «Финно-угорская этнография и этимологические исследования». Доклад в известной мере был откликом на пленарный доклад покойного ныне акад. К. Вилкуна в Будапеште, на IV МКФУ, в котором был поднят вопрос о важности этимологических исследований, позволяющих проследить некоторые древнейшие явления в этнографии народов финно-угорской семьи языков, несмотря на то, что финно-угорские народы давно уже не представляют собой историко-культурной общности. Докладчик на основе этимологического анализа и археологических материалов сделал убедительные выводы о том, какие отрасли хозяйства и материальной культуры венгров можно отнести к эпохе существования финно-угорской общности.

В очередной раз в центре внимания оказалась дискуссия по рыболовству у финно-угорских народов. Среди выступавших были такие видные специалисты, как И. Берг (Швеция), Б. Гунда (ВНР), И. Балаша и Л. Кеси-Ковач (ВНР). И это не случайно. Тема и сейчас остается в известной мере пробным камнем концепционных воззрений исследователей. Как известно, в начале века именно рыболовство было использовано У. Сирелиусом для его стройной, но антиисторичной концепции развития культуры финно-угорских народов. С анализа именно форм рыболовецких снастей К. Вилкуна начал в свое время борьбу со взглядами Сирелиуса.

На симпозиуме вновь возникал вопрос о возможности выделения в примитивных способах лова древних элементов, которые можно было бы связать с эпохой финно-угорской общности (Б. Гунда — ВНР). В докладе А. О. Вийреса (Таллин) на эстонских материалах показана невозможность подобных построений на этнографических данных. И. Берг также выступил за изучение региональных форм культуры и исторически сложившихся этнокультурных связей на примерах Фенноскандии. Обсуждение докладов шло по двум линиям: исторической этнографии (доклады А. О. Вийреса, С. Цимерманиса — Рига и Э. Шоймаша — ВНР) и этнокультурным связям (доклады А. А. Лутса — Тарту и Ю. Пеннанена — Финляндия). В итоге плодотворность экологического подхода к рассматриваемым явлениям оказалась общепризнанной. Особое внимание предлагалось уделять деталям орудий и явлениям, не несущим функцио-

нальной нагрузки и не зависящим от экологии, так как именно они нередко отражают этническую специфику.

Тема второго симпозиума («Двор и семья») привлекла большое число участников (10 докладов, в том числе 4 — от СССР). В докладах, в которых рассматривались жилище и другие строения двора, подчеркивалось, что исследователи должны всегда учитывать функциональную сторону построек. В докладе Т. Хоффмана (ВНР) «Дом — комната — лучшая комната» была предложена схема развития венгерского жилища с абсолютной датировкой основных этапов его развития и показаны функциональные различия его отдельных помещений в разные периоды. На функциональной взаимосвязи жилых и хозяйственных построек крестьянского двора на материалах Восточной Прибалтики остановилась в докладе Н. В. Шлыгина (Москва), подчеркнув при этом перспективность региональных исследований в сочетании с широким охватом данных, связанных с постройками — их бытового использования, традиций, обрядов и других моментов, позволяющих в итоге выделить факторы, формирующие специфику культуры отдельных народов региона.

Новые материалы по жилищу Варангер-фьорда были предложены Х. Братрейном (Норвегия). Богато иллюстрированный и хорошо аргументированный доклад о торфяной «коте» — жилище береговых лопарей Финмаркена представил О. Воррен (Норвегия). Кота, по мнению докладчика, должна рассматриваться не как этническое, а как ареальное явление, характерное для всей циркумполярной зоны и обусловленное экологическими факторами. Я. Кодолани (ВНР) в докладе «Северо-Евразийская кота» предложил рассматривать конический шалаш (кота, чум) как жилище, приспособленное к полукочевому образу жизни оленеводов, а не охотничко-рыболовецкого населения. Однако вряд ли возможно игнорировать тот факт, что конический шалаш известен со времен неолита, когда об оленеводстве еще и речи не было.

К сожалению, время не позволило достаточно подробно обсудить доклады, посвященные второй части темы симпозиума — семье. Отсутствовал один из основных докладчиков — М. Сармела (Финляндия), доклад которого «О культурной экологии большой семьи» заслуживал особого внимания. В нем весьма убедительно показано, что жители одного крестьянского двора в финляндской Карьяла в конце XIX в., рассматривавшиеся в литературе как большая семья, оказались при детальном анализе весьма своеобразной формой коллектива: члены его иногда не были связаны ни родством, ни свойством. Сармела предлагает называть такую «семью» вслед за Мёрдоком «свободной конструкцией» и рассматривать как вариант большой семьи. Вряд ли все же эту форму домашней общины можно назвать «семьей». К тому же не следует забывать, что у коренного населения Карелии подлинные большие семьи в это время существовали. Следует также заметить, что данные, которые приводились в докладе Г. Х. Троска (Таллин) «Кулацкий двор юго-западной Эстонии в XIX в.», были также аргументом против некоторых формулировок Сармела. О большой семье у удмуртов и русских на удмуртской территории в XVIII в. говорилось в докладе М. В. Гришкиной (Ижевск), построенном на новых и интересных архивных материалах. Очевидно, что многие утвердившиеся в литературе положения о времени существования у тех или иных народов больших семей требуют проверки с привлечением архивных материалов и соответствующих статистических данных. Можно высказать сожаление, что симпозиум оказался перегруженным, вследствие чего дискуссия не могла развернуться достаточно широко.

Несколько слабее были представлены доклады по современному быту: один доклад по городскому быту — «Жилище, круг контактов и ритм жизни в городской семье» (А. Нурми-Нильсон — Финляндия) и два доклада от СССР: Т. П. Федянович (Москва) «О роли этнических и социально-демографических факторов в развитии семейных обрядов у мордвы и русских Мордовской АССР» и К. И. Козловой (Москва) «Изменения в быту верхневолжских карел в процессе урбанизации села».

Секция — «Фольклор и мифология», в составе которой работал симпозиум «Полевая работа фольклориста и закономерности формирования традиций» включала как фольклорные, так и этнографические доклады. Всего было заслушано 36 докладов по проблемам теории фольклора, сравнительного изучения фольклора, в том числе музыкального, и народных танцев и мифологии. От Советского Союза было представлено 10 докладов, включая 2 выставочных. На заседаниях от Советского Союза председательствовали Ю. Тедре (Таллин), Э. Лиив (Тарту), К. В. Чистов (Ленинград).

На первых двух заседаниях обсуждались проблемы изучения архаических форм фольклора и мифологии, имеющих общие финно-угорские корни, а также фольклорные связи отдельных народов: прибалтийско-финских, пермских, поволжских, угорских.

Докладчиками выступали Ф. Ойнас (США) — «Юми — божество плодородия», Д. А. Яшин (Ижевск) «Древние формы эпоса пермских народов», В. Я. Акцорин (Йошкар-Ола) «Волжско-финские и прибалтийские эпические традиции и проблемы происхождения марийцев». А. К. Микусев (Сыктывкар) «Связи пермских и угорских народов в отражении эпоса», Б. Коромпаи (Венгрия) «Религия венгров по документам X—XI вв.» и др. Участники отметили, что по мере развития фольклористических и этнографических знаний достоверное выделение элементов и, тем более, комплексов культуры, восходящих к прафинно-угорской общности, становится все более трудным. В этом, видимо, состоит одно из важнейших отличий этих наук на современном этапе их развития от лингвистики и даже, в какой-то мере, от археологии.

Третье и четвертое заседания были посвящены чтению докладов, представленных на симпозиум. Следует отметить, что выделению наиболее важных для обсуждения вопро-

гов немало способствовали публикация обзора работ финноугроведов Советского Союза (в том числе и фольклористов), подготовленного к конгрессу³, а также доклада венгерского фольклориста В. Фойта, содержащего обзор работ по финно-угорскому фольклору в Финляндии, СССР и Венгрии.

В центре внимания фольклористического симпозиума оказались, как и следовало предполагать, актуальные проблемы современной мировой фольклористики, связанные с формированием так называемого «постструктурализма» — бытовой и обрядовой контексты функционирования фольклора, типология коммуникативных связей и так называемая «этнография речи», проблема исполнительства в социально-экологическом и социально-психологическом аспекте. На их основе обсуждались задачи и методы современной полевой работы в условиях урбанизированного общества.

Этому кругу проблем были посвящены доклады Л. Хонко (Финляндия) «Эмпирическое исследование жанров», К. В. Чистова «Полевая работа фольклориста в условиях урбанизированного общества», А.—Л. Сиккала (Финляндия) «Личностное и социальное значение устного рассказа», О. Лехтипуру (Финляндия) «Опыт изучения фольклорного знания», Э. Кёнгас-Маранда (Канада) «Что создает собиратель или аудитория как артефакт».

На пятом и шестом заседаниях читались доклады по музыкальному фольклору и обрядности. По первой из этих тем от Советского Союза было представлено 2 доклада (В. Сарв — Тарту, П. Чисталев — Сыктывкар); от Швеции — один (В. Дравиня — Стокгольм); от Финляндии — два (А. Койранен и Х. Лайтинен) и два — от Венгрии (Л. Вардяш и Л. Л. Викар).

Из докладов по народной хореографии следует отметить доклад Л. Фельфельди (ВНР), предложившего для изучения народных танцев систему, разработанную венгерскими исследователями. Он выдвинул три основных аспекта анализа: функциональный (содержание и социальный аспект танца), художественный (движение и морфология танца) и структурный (связь музыки с движением и композиция). Интерес вызвал также доклад М. Я. Жорницкой (Москва), предпринявшей попытку определить место хореографического искусства обских угров в танцах народов Сибири и выявить общие черты в танце обских угров и венгров.

На секции были также прослушаны три доклада по лопарской тематике, включая один советский, представленный Т. В. Лукьянченко («О погребальном обряде кольских лопарей по данным конца XIX — нач. XX вв.»), построенный на новых археологических и этнографических материалах. Доклад В. Матечека (ЧССР) был основан на анализе малоизвестного источника — сведений середины XVII в., принадлежащих чеху Йоханнесу Кернингу — о лопарях Финляндии, преимущественно об их материальной культуре. Новой гипотезе происхождения лопарского божества смерти Руто был посвящен доклад Г. Рянка (Швеция), предполагающего, что культ Руто имел изначально широкое распространение и охватывал всю субарктическую зону Евразии. На фольклорной секции были заслушаны также два доклада по народным обрядам, представленные советскими исследователями — доклад о рабочем календаре и обрядности посевных недель в Эстонии, подготовленный Л. Х. Феоктистовой (Москва) и о ряженьях в различные годовые праздники у прибалтийско-финских народов (Ю. Тедре, Таллин), а также доклад М. Киш (Венгрия) о рождественских обрядах в Венгрии.

Кроме перечисленных докладов, в фольклорной секции читались стоявшие несколько особняком доклады по фольклорному стиховедению (Д. Абондоло — США), по акцентологии устной речи (Д. Сомо-Шанферт — Венгрия), по проблемам парамииологии (М. Кууси — Финляндия) и два специальных доклада о крупнейших финно-угорских фольклорных хранилищах — архивах Финского Литературного Общества (П. Лааксонен — Финляндия) и Литературного Музея им. Ф. Крейцвальда в Тарту (Э. Э. Лийв — Тарту).

Секция «Археология и физическая антропология» провела 5 заседаний (и один симпозиум); всего было заслушано 23 доклада (включая выставочные), из них 14 были представлены советскими участниками.

Доклады секции можно сгруппировать вокруг больших проблем: 1) этногенез венгров, 2) образование и развитие археологических культур в Волго-Камском междуречье и Прикамье и 3) происхождение и развитие прибалтийских финнов. По первой проблеме следует отметить доклад И. Фодора (ВНР) о происхождении древневенгерского искусства. Докладчик считает, что оно сформировалось на базе согдийского и аланского при некотором влиянии византийского. Время формирования древневенгерского искусства он относит к X веку, когда венгерские племена уже обитали в Карпатской котловине.

Активное обсуждение вызвали венгерские доклады К. Эри «Антропологические данные об этногенезе венгров» (на краниологическом материале) и Т. Тота «Антропологические аспекты этногенеза венгров» — также на основе краниологических данных.

К. Эри по краниологическим материалам X-го века с территории Венгрии выделила в населении 3 группы. Одну из них она связывает с древнетюркскими племенами, вторую — с древнейшим угро-финским населением и третьей — с племенами, жившими по среднему течению Днепра. Т. Тот ознакомил слушателей с результатами обработки новых краниологических материалов со среднего течения Дуная (Венгрия) и привлек широкий сравнительный материал, на основании которого он пришел к выводу, что угро-

³ Обзор см. в этом номере журнала.

финны столкнулись с сарматами в I тыс. н. э. Большой интерес вызвал доклад В. Ф. Генинга (Киев) «Культурные контакты финно-угров и иранцев во II тыс. до н. э.», построенный в основном на материалах новых раскопок (могильник на р. Синташта Челябинская обл.), которые позволяют говорить о наличии там в это время смешанного индо-иранского и финно-угорского населения. Это открытие было признано очень важным. Доклад А. Х. Халикова (Казань) о структуре археологических культур финно-угров Восточной Европы в I тыс. н. э. был основан на сопоставлении археологических материалов с конкретными народами, известными по письменным источникам.

М. Ф. Жиганов (Саранск) сделал доклад о результатах археологических исследований в северной части междуречья Оки, Волги и Суры и остановился на ряде моментов этногенеза мордвы.

По третьей проблеме наиболее значимыми были доклады ученых из Москвы В. В. Седова и К. А. Смирнова. Первый из них в докладе «Из этнической истории прибалтийско-финских племен» обосновал предположение, что прибалтийско-финские племена восходят к единой культуре сетчатой керамики I тыс. до н. э.; на основе ее сформировались не только прибалтийские, но и поволжские финны. Докладчик особо подчеркнул, что в Прибалтике сетчатая керамика, характерная для финнов, сочетается со штрихованной, характерной для балтов. К. А. Смирнов в докладе «О двух районах появления сетчатой керамики», рассмотрев некоторые проблемы сложения культуры раннего железа в Волго-Окском междуречье, пришел к выводу, что сетчатая керамика появилась в двух, первоначально независимых друг от друга центрах.

В докладе Л. Янитса и К. Янитса (Таллин) ставился вопрос о преемственности населения каменного века на территории Эстонии, заселение которой, по их мнению, происходило волнами. Смешение пришельцев с более ранними обитателями продолжалось вплоть до эпохи бронзы. Вопросу преемственности населения на побережье Финляндии был посвящен доклад У. Сало (Финляндия). Автор выразил мнение, что ее можно проследить до II тыс. до н. э. (культура Киукайнен). С. Лауль (Таллин) представила доклад о формировании восточной группы прибалтийско-финских племен и специфике культуры населения восточной Эстонии по археологическим данным.

Координатор симпозиума К. Мейнандер (Финляндия) отметил значение проблемы «Континуитет населения на территории финно-угорских народов в свете археологии» и высказал ряд положений о методике ее исследования. Он подчеркнул, что изучение преемственности следует вести, сопровождая ее всесторонним анализом культуры, хронологии, типологии, экономики, экологии. Для каждого явления необходимо устанавливать, идет ли его развитие непрерывно или со внезапными изменениями. Причины, вызывающие кризис в преемственности, особенно важны, так как они могут быть связаны как с социально-экономическими явлениями в развитии общества, так и с появлением нового этноса, благодаря его миграции.

Дальнейшая дискуссия касалась прежде всего вопроса прародины финно-угров. У. Сало высказал мнение, что прародина их до сих пор неправильно понималась как сравнительно узкая территория; А. Х. Халиков высказал мнение о возможности формирования в мезолите уральской этноязыковой общности. В бронзовом веке, по его мнению, произошел отрыв финно-угров от уральского массива. В. Ф. Генинг отнес формирование уральской общности к позднему палеолиту Казахстана, Алтая и Средней Азии. Отсюда, по его мнению, шло расселение, прослеживаемое по распространению ямочно-накольчатой керамики, и дифференциация этой общности. И. Койвулеhto (Финляндия) говорил о необходимости соотнесения археологических и лингвистических данных и, в частности, о необходимости учитывать воздействие индоевропейских языков на разные финно-угорские языки.

Особое место на симпозиуме занял вопрос о формировании прибалтийско-финской общности. Л. Янитс и У. Сало связывали начало этого процесса с культурой гребенчато-ямочной керамики прибалтийского типа. В. В. Седов (Москва) подчеркивал роль и своеобразие западного варианта культуры текстильной керамики и ее роль в сложении прибалтийских финнов; С. Лауль обратила внимание на роль культуры прибалтийских каменных могильников в выделении западной ветви прибалтийско-финских племен.

В заключение осветим некоторые антропологические доклады, связанные с проблемами этнической истории прибалтийско-финского населения.

Прежде всего отметим доклад А. А. Зубова (Москва), в основу которого положены одонтологические материалы, собранные автором на территории Финляндии в ходе совместных советско-финляндских антропологических исследований. Анализ их показал значительную вариабельность одонтологических комплексов на территории Финляндии и примыкающих к ней районах СССР. При этом изученные финно-угорские группы образуют непрерывную цепь переходных типов и существенно отличаются от соседнего русского населения. Повышенной концентрацией восточного компонента отличаются саамы, к ним близко стоят финны северо-востока (район Куусамо); это население сложилось на основе лопарского субстрата в относительно недавнее время. Доклад вызвал оживленную дискуссию.

Доклад К. Марк (Таллин) был посвящен антропологии саамов Финляндии и Советского Союза и северных финнов. Докладчица показала сходство лопарей с марийцами, удмуртами, коми-пермяками (сублапоноидный тип), а также с северной мордовью (субуральский тип), и отличие их от обских угров и самодийских народов. Это подтверждает и сопоставление групп по методу Пенроуза.

Интересные данные содержал доклад Л. Хеапост (Таллин), основанный на серологических материалах и освещающий некоторые проблемы формирования разных групп эстонцев.

Р. Я. Денисова (Рига) выступила с докладом «Основные антропологические типы прибалтийских финнов и их происхождение», формирование которых она связывает с взаимодействием, с одной стороны, широколицего матуризованного типа, носителем которого были, по ее мнению, балтские племена, с грацильным узколицым типом, представляющим финский компонент на территории Прибалтики. Протолапоноидный антропологический тип, по мнению автора, следует связывать с протосаамским субстратом, известным только на территории Финляндии и Эстонии.

От Советского Союза по разделу исторических наук было представлено 4 выставочных доклада. Л. Н. Терентьева (Москва), проанализировав в докладе характер этнографических границ в Восточной Прибалтике, показала, что этнографические явления, характерные для всего этого региона, как правило, складывались благодаря однородности природно-географических условий или хозяйственных занятий населения (вне зависимости от этнической принадлежности). Явления же историко-культурного характера обычно имели более узкие ареалы и здесь можно проследить воздействие различных факторов этнокультурного характера, определявших возникновение локальных отличий. Л. С. Грибова (Сыктывкар) на богатом иллюстративном материале развернула аргументацию своего положения о тесной связи пермского звериного стиля с тотемной системой, показав, что следы этого можно проследить и на позднейших этнографических материалах. Интересен был доклад Т.-И. Кауконен (Финляндия), в нем рассматривалась одна из форм декоративного ткачества (pitsipointinta — «кружевная» техника), характерная для приладожских карел, образцами которой располагают финские музеи. Древнейшие истоки этой техники докладчик обнаружил на Дальнем Востоке. На западе она малоизвестна, а характерные для карел животные и растительные орнаменты там вообще не встречаются.

Советскими учеными был представлен также один антропологический выставочный доклад, о котором мы упоминали в другой связи (доклад И. В. Первозчикова «Обобщенный фотопортрет саамов Кольского п-ова») и один археологический Э. Мугуревича (Рига) «Взаимосвязи ливской и куршской культур в отображении материалов поселений в северной Видземе (X—XVI вв.)». В нем освещен процесс постепенного распространения в Видземе, заселенной на ранних этапах ливами, начиная с XI—XII вв. куршского населения, имевшего ряд отличий в материальной культуре.

В хроникальной заметке невозможно оценить все доклады и осветить все научные проблемы, поднятые на Конгрессе. Поэтому в заключение мы лишь отметим, что доклады наших специалистов, отличавшиеся сравнительно-историческим междисциплинарным подходом к проблемам, подтвердили высокий международный авторитет советской науки. Особый интерес зарубежных ученых вызывали доклады и выступления специалистов из научных центров национальных республик (Карельской, Коми, Марийской, Мордовской, Удмуртской АССР) по теоретическим и практическим вопросам изучения родных языков и культур. Они наглядно продемонстрировали достижения ленинской национальной политики Советского государства в этих в прошлом отсталых окраинах царской России, которые ныне имеют свою национальную автономию, высокоразвитую экономику, культуру и науку, располагают собственными национальными кадрами высшей квалификации.

Подводя итоги работы Конгресса, его президент О. Икола особо подчеркнул значение участия в нем представительной делегации советских ученых, их вклад в разработку проблем финноугроведения.

Оргкомитет Конгресса проделал большую работу по организации различных выставок и экскурсий. Так, демонстрировалась большая книжная выставка работ финноугроведов, вышедших в Венгрии, Советском Союзе и в Финляндии со времени предшествующего Конгресса. Издания, привезенные из Венгрии и СССР, были затем подарены Университету г. Турку. В здании Университета ряд выставок рассказывал о работе кафедр, связанных с финно-угорской тематикой, специальная выставка была посвящена преподаванию финского языка за рубежом и т. д. В Историческом музее г. Турку были открыты экспозиции «Рыболовство» и «Украшения одежды финно-угорских народов», в Музее изобразительного искусства — экспозиция по тематике «Калевалы». Участники Конгресса посетили музей на открытом воздухе «Луостаринмяки», представляющий собой квартал жилищ ремесленников XVII в.

Археологи и антропологи посетили места раскопок в Перниё, Халлико, Лието и Паймю, этнографы побывали в деревне Наантали. Большая общая экскурсия на пароходе на Аландские острова познакомила участников Конгресса с архитектурой г. Мариехамна, замком Кастенхольм и другими достопримечательностями.

Особо следует отметить работу Информационного бюро Конгресса (М. Нурми, М. К. Суойянен и др.). Их трудами за время работы Конгресса было выпущено 5 бюллетеней (FU — INFO), освещавших его организационные и научные проблемы.

Работа Конгресса завершилась выступлением акад. Ю. В. Бромлея, сообщившего о приглашении Советского Союза провести очередной Конгресс финноугроведов в 1985 г. в СССР, в столице Коми АССР — Сыктывкаре.